

ПАСТЫРЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СТАНИСЛАВ МИНИН

Станислав Минин

Пастырь. Книга первая

<https://litres.ru/74671373>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он всю сознательную жизнь служил закону и погиб, исполняя свой долг. Но смерть оказалась только началом.

Седой Старик за последней чертой вложил ему в голову слова молитвы, похожие одновременно на клятву и на приговор, и отправил в мир, полный греха и скверны.

Павел Немиров очнулся в теле юноши из клана, который не первое столетие живёт заказными убийствами. У Немировых свои законы, и жить Павлу теперь придётся по ним.

Родичи видят в нём наёмного убийцу. Зрители подпольных боёв — грозного бойца по прозвищу Пастырь. Молитва Старика велит карать грешников. А совесть и убеждения офицера не дают забыть, что приговор и расправа — не одно и то же. Кем же он станет в этом мире — Пастырем или палачом?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	33

Станислав Минин

Пастырь. Книга первая

Глава 1

— Всем на пол, мрази!

Первым в забаррикадированный барак ввалился прапорщик Иванов — и с разгона впечатал дубинку в висок первому, кто подвернулся под руку. Тот осел на пол ещё до того, как я перешагнул порог, пытаюсь привыкнуть к внезапно окутавшему меня полумраку. В лицо ударила резкая вонь: пот, кровь, палёная резина и что-то ещё, приторное, что бывает только там, где убивают медленно.

— Лежать, мрази! Руки за голову!..

Бунт на зоне продолжался уже третьи сутки, за это время контингент уже убил троих сотрудников ИТК, взятых в заложники, и казнил пятерых вычисленных стукачков из своих. На очереди была следующая партия коллаборационистов. Слава богу, заключённые не добрались до дежурки с оружием. Приказ на штурм, как всегда, поступил неожиданно, и спецназ ФСИН начал зачистку зоны.

— Лежать! Лежать, я сказал! — Голос тяжело дышащего Иванова долбил из динамиков шлема. — Лежать, мразь!..

Барак взорвался движением со всех сторон разом, будто

нас ждали именно в эту секунду. Кто-то с рёвом бросился на меня с заточенной ложкой в кулаке — ушёл с линии атаки на полкорпуса, впечатал локоть ему в висок, и тело сложилось на пол раньше, чем я успел выдернуть руку обратно. Второй попытался сжать меня сзади медвежьей хваткой; я присел, крутанул бедром, швырнул его через себя и добил коленом в печень — тот захрипел, харкая кровью на бетон, и затих.

После наглядной демонстрации фотографий с тем, во что осуждённые превратили сотрудников зоны и стукачков, ни о каком гуманном к ним отношении не могло быть и речи, при штурме никто церемониться не собирался, и поэтому с самого начала наше подразделение вело себя крайне жёстко, даже по отношению к тем заключённым, которые не проявляли признаков сопротивления и ложились с заведёнными за голову руками и широко расставленными ногами.

Этот барак без сопротивления сдаваться не собирался: часть зеков, вооружённых подручными средствами — арматурой, заточенными черенками от швабр, выломанными прутьями решёток, — оказывала активное сопротивление, и барак быстро превращался в мясорубку, где уже давно смешалась кровь обеих сторон.

Чья-то голова взрывается кровавыми брызгами от удара дубинкой, ботинок до хруста врезается в рёбра следующей, выпад деревянной дубинки принимаю на предплечье, защищённое кевларовой накладкой, и, переместившись чуть в сторону, бью мразь ногой в колено до характерного хруста,

добавляю дубинкой в ключицу. Кровь — моя, чужая, вперемешку — заливает забрало; протираю визор сгибом перчатки на бегу, не сбавляя темпа. Вой раненых и собственный хриплый выдох сливаются в один сплошной гул, в котором давно потерялся смысл отдельных слов.

Всё как учили: один, максимум два удара — и противник должен оказаться неспособен оказывать сопротивление.

Меня оглушают вой «поломанного», крики прапорщика и общий ор в бараке, а на очереди пара следующих заключённых — один с арматурой в руке, второй с куском железной спинки от шконки. Первый размахивается наотмашь, целя в шлем, — ныряю под дугу удара и влепляю кулаком под рёбра; он складывается пополам, роняя железку с лязгом, тонущим в общем шуме.

Отблеск отполированного металла мелькнул с правого бочка — там, где меня уже никто не должен был достать. Резко опущенная в блоке рука наткнулась на что-то под броником, и бок взорвался такой резкой болью, что из лёгких вышибло весь воздух разом, а мир на миг качнулся, будто пол ушёл из-под ног.

«Откуда он взялся? — успел подумать я, “ломая” того, что неумело махал перед собой арматуриной. — Чёрт, твою мать, почему Витёк не прикрыл сзади? Он же был... сзади...»

Другого зэка — того, что пёр на меня с куском шконки, — уложил из последних сил уже на чистом упрямстве, потому

что тело с каждым мгновением слушалось всё хуже, а ноги начали подгибаться сами по себе.

— Немиров, твою мать, зацепило?! — Откуда-то сбоку вынырнул старлей Витя, вцепился в разгрузку и, поднатужившись потащил на себя. — Прикрывайте! Уходим, уходим!

Дальше сознание мелькало вспышками, картинки появлялись без всякого порядка: чужие руки под мышками, собственные ноги, волочащиеся по бетонному крошеву, выбитая дверь, серый свет снаружи, режущий глаза после темноты барака. А потом, уже за оцеплением и среди своих, кто-то рванул на мне броник, чьи-то пальцы начали вбивать тампон в рану, а рядом что-то проорали в рацию о срочной эвакуации.

— Капитан, держись! Сейчас, сейчас, потерпи! — раздался голос Иванова откуда-то сверху, чужой, слишком спокойный для такого крика.

В глазах потемнело, а последнее, что я услышал, перед тем как провалиться в черноту, было чьё-то деловитое, будничное:

— Держим давление, готовь носилки, эвакуация через две минуты...

Великое НИЧТО давило вокруг, оно было внутри, заставляя растворяться в нём, терять себя, становиться его микроскопической частичкой, и одновременно вело себя равно-

душно, не замечая и не желая принимать.

На появившийся свет я сначала не обращал внимания, любуясь манящим НИЧТО, но спустя какое-то время свет принял правильные геометрические очертания, и окружающее меня пространство превратилось в светлую комнату со стоящим посередине деревянным стулом с резными ручками и ножками.

— Здравствуй, сын мой! — По сознанию ударил приятный баритон с властными нотками в голосе.

А на стуле проявился старик с седой головой и длинной бородой, облачённый в нечто белое, напоминающее римскую тогу. Слишком яркие и молодые для его возраста синие глаза старика, казалось, видели меня насквозь, а насмешливое выражение его лица заставило меня устыдиться и опустить голову.

— Да, Павел, ты не ошибся, это я тебя призвал. — Слова буквально впечатывались в сознание. — Несмотря ни на что, ты один из немногих, сохранивших человеческий облик, чьи понятия о добре и зле давно превратились в непреложный жизненный закон. Твой путь в этом времени закончен, следующее воплощение твоей бессмертной души будет в другом времени, в мире, погрязшем в грехах и скверне. Запоминай, Павел...

Комната исчезла, остались лишь ярко-синие глаза старика. Я практически перестал чувствовать своё тело, сознание плыло, а через некоторое время губы сами шептали вслед за

всплывавшими в голове словами:

Я Твоё отмщение и воздаяние, Господи. Я меч сверкающий Твой. Да убоятся души грешников Твоего суда. Твоим пастырем буду я, Господи. Исполню волю Твою и воздам по грехам их. Да будет так. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь...

Глава 2

Кровь во рту была тёплой и солоноватой, и почему-то это единственное, что я ощущал ясно — весь остальной бетонный подвал плыл перед глазами мутными пятнами света и тени.

— Давай, добивай его! — заорал кто-то из темноты за прожекторами, и толпа отозвалась гоготом, точно это была самая смешная шутка за вечер.

Прожекторов оказалось три — дешёвых, вроде тех, что снимают для сиюминутных нужд прямо с соседней стройки, — они выхватывали из темноты только квадрат потрескавшегося бетона в центре зала, застеленного для приличия квадратами прорезиненного мата, а зрители оставались лишь силуэтами, голосами, звоном ставок на переносных терминалах где-то за спинами первого ряда. Букмекер выкрикивал коэффициенты сорванным голосом, и по тому, как быстро они менялись, было ясно: на меня уже почти никто не ставит.

Молот стоял в трёх шагах, покачиваясь — торопиться ему было незачем, я всё равно никуда не денусь. Здоровенный, на голову выше меня и вдвое шире в плечах, с наголо бритым черепом и сплюснутым, не раз ломаным носом; левое ухо превратилось в бесформенный кусок хряща — метка многолетних боёв без правил. Старый, побелевший от времени

шрам рассекал бровь и уходил куда-то в волосы, — по одному этому собравшимся было ясно: это не первый его вечер в подобной Яме и не первая чужая кровь на костяшках. Сегодня красные пятна на его кулаках — моя кровь, потому что за весь бой я так и не заставил его толком вспотеть, хоть и пытался, раз за разом бросаясь вперёд и неизменно получая в ответ.

Подняться, Павел! Тебе необходимо просто встать на ноги и...

В груди — там, где должно было разгораться спасительным жаром *мышечно-скелетное усиление* — было пусто и глухо, точно кто-то обрубил провода в местах соединений. Весь бой я раз за разом пытался вытащить из себя ту силу, которую, мне говорили, в меня вшили, — и раз за разом бил только короткую судорогу да жгучую боль в мышцах. Тело заранее знало: не выйдет, даже не пробуй. В самом начале боя я один раз почти поймал это чувство — на долю секунды под кожей прокатилась тёплая волна — и тут же потерял его от собственного же испуга, а Молот воспользовался заминкой так, что я на пару минут забыл, как меня зовут.

Соберись, Пашка! Ну же!..

А ведь я пытался! В начале боя даже пару раз попал по противнику — несерьёзно, вскользь, но попал, и на трибунах кто-то от неожиданности присвистнул. Молот тогда удивлённо усмехнулся — ему стало любопытно, — но лишь на миг. С той минуты бой превратился в то, чем становится любая

драка, где один противник сильнее, лучше подготовлен и весит в два раза больше, — в избиение с редкими перерывами на то, чтобы я мог отдышаться и снова встать на потеху публике, желающей крови и зрелищ.

Ноги не слушались. Пол был липким — от чужого и моего пота, от моей крови, — и ладони заскользили по резиновому мату, когда я всё-таки попробовал оттолкнуться от него.

— Ну что, всё, щенок? — Молот наклонился, взял меня за волосы с ленивой, снисходительной силой человека, который проделывал это уже раз двадцать и точно знает: сопротивления не будет. — Жаль. Я-то думал, немировская кровь хоть чего-то стоит.

Я хотел ответить. Не вышло — рот уже успел наполниться кровью из разбитых дёсен, и вместо слов получился хрип.

Дальше происходящее мелькало беспорядочными вспышками.

Сначала удар кулаком в висок — в ушах загудело так, что их мгновенно заложило, будто под черепом лопнула лампочка. Потом прилетело под рёбра, слева, туда же, куда уже доставалось два раза за вечер, и я не сразу сообразил, что там так противно хрустнуло.

Тело обмякло раньше, чем я успел этого испугаться. Меня приподняли за шею, не душили пока, просто держали, чтобы я не упал слишком быстро и первые ряды успели как следует насладиться долгожданным зрелищем. Собственный пульс, бешеный и совершенно бесполезный, я слышал уже

откуда-то из затылка, словно сердце теперь билось там.

А потом чужое предплечье легло поперёк моего горла — привычно и очень буднично: человеку, который меня душил, было откровенно скучно этим заниматься, и почему-то этот факт казался самым обидным среди всего, что случилось за этот вечер.

Я дёрнулся раз, другой. Пальцы заскребли по чужой руке, не находя опоры. Где-то на самом краю гаснущего сознания мелькнуло лицо Захара — почему именно оно, я так и не понял.

Последней мыслью, что посетила начинающий страдать от недостатка кислорода мозг, была обида за то, что даже умереть достойно не могу, а сдохну в этом вонючем подвале под аплодисменты и улюлюканья собравшейся публики.

А потом наступила темнота. Плотная, окончательная, без единого просвета.

Первой вернулась боль — ровная, всеобъемлющая, словно тело превратили в один сплошной синяк, а поверх с особым старанием прошлись по лицу: скулы отзывались плотной, вбитой в кость болью, как после доброго десятка ударов. Левый глаз налился тяжестью, трогать его совершенно не хотелось, а губы, стоило неосторожно двинуть челюстью, отзывались резкой, отдельной болью в одном месте — там, где кожа явно разошлась. Зрение и звук подтянулись следом, с запозданием и очень нехотя. А следом включился рефлекс

— тот самый, въевшийся за годы службы и целых три командировки, о которых я предпочёл бы забыть навсегда: не двигайся, не суетись, сначала оцени обстановку. Сколько человек рядом? Есть ли у них оружие? Где выход? — вопросы задавались сами, без моего участия, где-то в фоновом режиме, пока остальная часть меня пыталась не завывать от боли и оценить хотя бы примерно характер ранений, способность оказать сопротивление и при благоприятных вводных совершить побег.

Глаз я не открывал — пока решил изобразить беспмятство и только прислушался.

Гул стоял ровный, техногенный — это точно был не зоновский барак во время бунта. Запах стерильный, с едва заметными «нотками» медикаментов, а под спиной вместо бетонного пола или жёсткой лежанки что-то вроде тонкого матраса, продавленного ровно под мой вес. Тут я уловил слева негромкий писк, похожий на звук медицинского монитора; там же слева, но чуть дальше гудела ещё какая-то приبلуда. А вот впереди и справа точно находилась дверь — судя по гулкому эху шагов где-то за ней. Попытка аккуратно пошевелить конечностями увенчалась успехом: руки и ноги двигались свободно, верёвками, тряпками, стяжками или скотчем стянуты не были — а значит, пока меня не считают угрозой. И нахожусь я, судя по всему, в госпитале, или в чём-то очень на него похожем.

И тут же, без предупреждения, меня конкретно накрыло

воспоминаниями — рвано, не по порядку, будто кто-то пролистал киноплёнку не с того кадра. Барак со взбунтовавшимися зеками, крик «Штурм!», короткая злая вспышка боли под рёбрами и ощущение, что дышать больше нечем. А следом, без всякой видимой связи, прожекторы, бьющие по глазам, рёв толпы, чужое предплечье поперёк горла, ощущение обиды и темнота, наплывающая с краёв зрения, будто кто-то методично выкручивал звук и свет разом. Следом за этими видениями совсем другая картинка: седой старик в белых одеждах, глаза слишком молодые для морщинистого лица, голос, от которого закладывало уши, тяжёлый, давящий, хотя звучал вовсе не громко. «Твоим Пастырем буду я...» — обрывок чужих слов всплыл сам собой, из ниоткуда и тут же потонул в общем сумбуре образов, похожих на бред измученного мозга. Сначала заточка под рёбра, потом чья-то рука на горле, — мне бы вполне хватило и одного видения смерти, чтобы задуматься о том, а правильно ли я живу, а тут сразу два вперемешку, словно мне предлагали на выбор варианты собственной безвременной кончины! Как, сука, в той сказке: налево пойдёшь — коня потеряешь, направо пойдёшь — жизнь потеряешь! А старик с молодыми глазами у нас, стало быть, за третий вариант с «прямо» отвечает, это где себя потеряешь? Что за бред?

Я отогнал все эти «весёлые» картинки усилием воли, как когда-то отгонял навязчивые мысли перед выходом на задержание, — сначала разберись, где находишься и насколько

это место для тебя безопасно, потом уже будешь решать, что предпринять.

Рука сама, ещё до того как я об этом подумал, скользнула к боку — туда, где заточка вошла между рёбрами в последнюю секунду перед темнотой. Под пальцами обнаружилась тупая, разлитая боль — совсем не такая, какая бывает от несанкционированного проникновения в организм различных заточенных предметов. Не резкая, не собранная в одну точку, а широкая, ноющая, как после кулака или колена, а не после заточки. Ни бинтов, ни швов, ни малейшего намёка на рану под рёбрами не имелось. Странно, отметил я мельком — и тут же убрал эту странность туда же, куда убирал всё, чему пока не находилось объяснения: до раны ли сейчас, когда неясно даже, где конкретно я нахожусь.

Следом пальцы по инерции поднялись к горлу — туда, где во второй вспышке мою шею держало чужое предплечье. Тут реакция организма вышла резче: горло отозвалось настоящей, живой болью, ровно там, где полагается болеть после хорошего удушения — уж я-то в этом вопросе разбирался отлично. Выходит, то предплечье не примерещилось моему воспалённому мозгу на пустом месте — какая-то тварь действительно пыталась меня задушить! Ладно, хрен с ним, отложим и это в сторонку — на повестке дня стоял другой вопрос: как я сюда попал и сколько провалялся без сознания? Что характерно, проклятое сознание, только что так услужливо подсовывавшее мне яркие образы собственной кончи-

ны, категорически отказывалось вспоминать хоть что-то о том, как раненого капитана Павла Немирова вообще умудрились доставить в сию обитель.

Горло реально болело, и я попробовал более тщательно ощупать область повреждений, для чего шевельнул пальцами и чуть не задохнулся от неожиданности: они дёрнулись слабо, замедленно, с задержкой в добрую секунду — точно сигнал от мозга добирался до них круглым путём, а не напрямую.

Первой пришла холодная и совершенно конкретная мысль: перебило нерв в руке! Или хуже — задело не сам нерв, а передавило что-то выше, в той части шеи, что отвечает за двигательные функции рук. Сука! Твою же бога душу мать! Меня же комиссуют с таким диагнозом! Комиссуют подчистую! Да ещё и инвалидность влепят — поставят клеймо на всю жизнь, с которым на нормальную работу не устроиться!

Паника поднялась откуда-то из живота — острая, звериная, — и я задавил её на автомате тем же привычным усилием воли, каким давил панику перед каждым задержанием и штурмом. Сначала оценка масштаба трагедии, диагноз специалистов, перспективы лечения и восстановления, а эмоции — потом.

До конца справиться с собой не получилось, и я, наплевав на осторожность, открыл глаза.

Потолок надо мной казался неправильным — слишком

гладким и слишком белым для любого лазарета, что я помнил, ни трещины, ни потёка, — а когда я моргнул, прямо в воздухе, на границе зрения, вспыхнула стремительная строка: обычные русские буквы, обычные цифры — «72%» и слово рядом. За один миг я не просто разглядел эти знаки — я их понял, целиком и сразу, без единой запинки, как понимаешь родной язык, не разбирая букв по одной. Только понимание это было не моё: чужое, услужливое, точно кто-то другой прочитал за меня и тут же отдёрнул руку, вовремя спохватившись. Строка погасла — а вместе с ней исчезло и понимание, оставив только чужое эхо на самом дне черепа и глухое ощущение, что собственная голова мне не вполне принадлежит.

Эхо не унялось до конца, как рябь после брошенного камня, — следом, будто запоздалый довесок к той же вспышке, всплыло уже не число, а понятие целиком, с готовым, чужим объяснением: нейроинтерфейс. Слово легло в голову так будто было там всегда, а вместе с ним пришло сухое, обстоятельное знание, для чего эта штука вообще нужна: вживлённый в нервную систему имплант, который читает сигналы тела напрямую, выводит нужное на границу зрения и открывает доступ куда-то дальше, в невидимую сеть, у которой в чужой памяти уже нашлось своё, обжитое название — Паутина. Почта, новости, учёба, развлечения, деньги, слухи, сплетни — всё, без чего здесь не обходился ни один человек, висело в этой Паутине, опутавшей весь мир, и любой, у кого

за ухом сидел интерфейс, был подключён к ней постоянно, даже во сне. Тот же интернет, только не в кармане и не на экране телевизора, а прямо у тебя в голове. Технику такого уровня на моей памяти не делали нигде — ни у нас, ни вообще на планете, включая Штаты и Китай. Либо я каким-то образом умудрился очнуться среди самой настоящей технологии из будущего, либо содержимое капельницы у меня в руке подкидывает мозгу сюжеты один изобретательнее другого, — и выбирать между этими двумя вариантами прямо сейчас откровенно не было сил. Казалось, рассудок после ранения в бок, удушения и показа «мультиков» окончательно дал трещину.

Я попробовал поднять руку — и то, что поднялось перед глазами, наотрез отказывалось быть моей рукой. Тонкие пальцы, ссадины на костяшках, две катетерные трубки, уходящие куда-то в сгиб локтя, — и ни единого шрама, ни одной трудовой мозоли, к которой можно было бы привязать хоть какое-то моё воспоминание. Взгляд зацепился за трубки: что бы ни капало мне сейчас в вену, оно вполне могло дорисовывать глюки не хуже любой другой встряски — обезболивающее умеет и не такое. Объяснение легло в общую копилку рядом с прочим, и на секунду мне даже как-то полегчало. Но чужая рука все равно не желала превращаться в мою — и от этого хотелось взвыть.

Простая, оглушающая мысль опередила все прочие: эта рука не моя. Тонкая, мальчишеская, но вместе с тем не из-

неженная: костяшки сбиты не вчера, кожа на них загрубела неровно, слоями, как бывает у тех, кто дерётся достаточно давно и часто. Нарботано криво, без всякой нормальной школы: выносливость без правильного дыхания, злость без техники — та самая полулюбительская закалка, которую опытный глаз отличает от настоящей выучки с одного взгляда.

Объяснить, откуда взялась такая уверенность в этих выводах, я бы не смог. По спине скользнул мимолётный, едва заметный холодок, — и я, чтобы не усугублять и окончательно не впасть в отчаяние, решил списать все странности происходящего на содержимое капельниц, а для успокоения нервов вернуться к более срочному вопросу: где я и что делать дальше?

Попытка сесть на кровати привела к тому, что тело предало меня целиком и сразу: руки подкосились, в глазах потемнело, а из горла вырвался тонкий, писклявый стон, вообще не похожий на мой обычный голос.

Полежав несколько секунд, я настроился на вторую попытку подняться, стиснул зубы и уже напряг руки вместе с ноющим от боли прессом, как скрипнула дверь! Я тут же замер, закрыл глаза, максимально расслабил тело и притворился мёртвым. А ко мне уже приближались шаги: быстрые, тяжёлые, уверенные, без всякой попытки скрыться — враги так не ходят. Или ходят те враги, которым плевать, что я их услышу.

— И куда это мы собрались? — услышал я смутно знакомый приятный баритон. Тон тоже внушал осторожный оптимизм — в нём чувствовалась вполне искренняя забота. — И глаза можешь открыть — я же видел, что ты пытался встать!

Раз «баритон» видел — значит, помещение оборудовано камерой! Вот засада!

Я открыл глаза и увидел справа от себя мужчину лет сорока пяти, крепкого, с сединой на висках, в тёмных брюках и светлой рубашке, поверх которой на плечи был накинут белый халат. В руке «баритон» держал небольшой планшет, который он, заметив мой взгляд, тут же сунул в нагрудный карман рубашки. На попытку мужчины дотронуться тело среагировало раньше головы: рука сама метнулась навстречу и перехватила его запястье жёстким, контролирующим захватом. Я тут же отпустил, едва сообразив, что делаю, — но было поздно: мужчина замер на несколько секунд, а его брови дёрнулись вверх.

— Пашка, ты живой, чёрт тебя дери! Живой!.. — Он потрянул головой, отгоняя секундное недоумение.

И, продолжая остановленное мной движение, схватил меня за плечо — осторожно, точно боялся раздавить, но его пальцы вцепились крепче, чем требовало простое облегчение. А может, просто мой организм сейчас даже на лёгкое прикосновение реагировал довольно остро. Мужчина же замолчал и принялся с улыбкой бесцеремонно разглядывать моё лицо.

Пашка — уменьшительное от Павла, и с каждым годом людей, которым я позволял себя так называть, становилось всё меньше. Причём среди этих людей стоящего рядом и державшего меня за плечо «баритона» точно не было! Или это последствия влитых в меня лекарств так сказываются? Или на зоне зеки успели хорошенько попрыгать на моей голове? Сначала придушить, а потом попрыгать? Короче, следовало срочно завести с мужчиной некое подобие диалога — вдруг он сам мне ценную информацию выдаст?!

— М-м-м... — выдавил из себя я и тут же замолчал, не зная, что говорить дальше.

Врать было рановато — слишком мало информации для убедительной лжи, молчать — подозрительно, а притворяться, что хоть то-то помню — вернее всего спалиться на первом же уточняющем вопросе. Оставался средний путь: если не знаешь, что сказать, — вали на голову. Мозги после такой встряски имеют полное право барахлить, и грех этим не воспользоваться.

— Голова гудит, — уже не таким фальцетом прошептал я, постаравшись, чтобы вышло растерянное, чем было на самом деле.

— Ещё бы не гудела! — Мужчина раздражённо фыркнул, отпустил моё плечо, а на его лице проявилась злость. — Тебя же этот еб@ный Молот фактически задушил в том подвале! В скорую принесли синим, как утопленника! Врачам спасибо скажи — они тебя с того света вытащили! А потом я

твой *регенеративный биочип* прямо на ходу перепрошивал, чтобы он вообще шевелиться начал! Бл@ть, ещё пять минут — и всё, родичи бы уже покупали для тебя венки и готовили лицемерные речи на поминки!

«Молот фактически задушил в том подвале...» — похоже, глюки всё-таки не до конца были глюками и имели под собой реальную основу. С другой же стороны, удушение у нас по-научному называется асфиксией, а та, в свою очередь, приводит к не менее научной гипоксии — кислородному голоданию, для которой характерны спутанность сознания, обманы зрения, провалы в памяти и всё такое прочее — стандартный, тысячу раз описанный в специальных методичках набор побочных. А если эти побочки ещё и «шлифовать» ударными дозами медикаментов, то... Найдя объяснение глюкам, я расслабился настолько, что чуть не улыбнулся. «Баритон» же продолжил описывать мои злключения:

— А потом ты часов шесть провалялся в полной отключке — врачи между собой комой это называли. — Мужчина нахмурился. — Не при мне, но я слышал. Всё это время я под дверью реанимации просидел, гадая, откачают тебя или нет. — Он мотнул головой, будто отгоняя саму возможность второго варианта.

А я уже «лепил» себе легенду дальше. Кома — отличная, услужливая деталь: под неё спишется что угодно, вплоть до самых нелепых провалов в памяти, и ни один мой вопрос или промах в такой ситуации не покажется подозрительным.

Короче, строим из себя дурачка, давим сколько можем на гипоксию и кому, главное — чтобы сразу не комиссовали подчистую! А дальше разберёмся...

Вспышка в голове, и имя мужчины, стоящего рядом, всплыло само, без всякого усилия с моей стороны, — Захар Немиров.

Захар — ладно, но Немиров? Он что, мой однофамилец? Или дальний родственник? Но среди наших дальних родственников нет никого с именем Захар! И про однофамильцев с таким именем я не слышал! Что за херня творится?

По спине пробежал холод, отказывающийся проходить. Я уже мысленно собрался переместить новоявленного «родственничка» в разряд глюков, как пострадавшее от гипоксии и комы сознание выдало мне новую порцию откровений: Захар являлся двоюродным братом отца! И вместе с этим, без всякого предупреждения, всплыла картинка, слишком тёплая и отчётливая для простой галлюцинации: крупная мужская ладонь на макушке, низкий уютный смех совсем рядом, ощущение безопасности, какого я не помнил даже в собственном, настоящем детстве. Лица мужчины было не разобрать — только тепло, мелькнувшее и тут же погасшее, оставив после себя резкую, совершенно детскую тоску. Списать эти видения на игру воображения не получалось — глюки столь убедительными не бывают! Даже с учётом гипоксии, комы и медикаментов! Хотя... матёрым специалистом по глюкам я точно не был, и становиться не собирался... Но

проверить видения всё же стоило...

Дыхание сбилось на полсекунды — и я усилием воли заставил себя его выровнять. Не время. Ещё не время.

— Захар, — медленно выговорил я вслух, и по тому, как дёрнулось лицо мужчины, понял: угадал. И решил уточнить. — Голова болит... Ничего не помню...

— Ну наконец-то ты начал соображать, Пашка! — воскликнул он и добавил к моей вящей радости: — Врачи предупредили — возможны всякие там временные амнезии, но заверили: твой мозг серьезно не пострадал! — Тон Захара сменился на заговорщицкий. — Они вообще не знают, что я к тебе в палату прошёл.

И тут же взялся ощупывать что-то на моём предплечье — два едва заметных углубления под кожей, о существовании которых я до этой секунды даже не подозревал, — а свободной рукой уже вытащил из нагрудного кармана тот самый тонкий планшет. Экран засветился, Захар быстро провёл по нему пальцем, и, судя по тому, как сощурился, глядя на экран, он снимал показатели через ту самую пакость у меня в предплечье.

— Так, пульс ровный, семьдесят два. Давление в норме. По кислороду — девяносто восемь, ты и до Ямы столько не показывал. Биочип нагрузку сбрасывает, заживление с опережением графика. — Захар удовлетворённо кивнул своим же цифрам, не отрывая взгляда от экрана, и вполголоса деловито проворчал: — У тебя стоит урезанная дешёвка, а не

прошивка, ограничитель на каждом шагу. Я ж говорил старшим родичам — надо апгрейдить хотя бы софт, а не экономить на детях, а потом ещё и в долги их вгонять... Тьфу, само вырвалось.

Я слушал этот отчёт и медленно охреневал. Человек только что без единого провода, не используя никакой техники, снял с моего тела показатели, для которых обычно требовался десяток датчиков и минимум час ожидания результатов из лаборатории. Да еще и с точностью медицинского справочника перечислил, что творится у меня внутри! И сделал он это легко, даже походя! Полный пипец! Что за херня происходит?! Или это все такая извращенная мистификация? Эксперимент, где я стал подопытной крысой? Или все-таки очень качественный, детальный глюк, с помощью которого мозг решил компенсировать и сгладить происходящее для моей психики?

— Клан же на лекарства и врачей больше тратит, чем на апгрейд прошивки! — продолжал возмущаться Захар. — Поговорю с медиками, чтобы хоть они старшим родичам объяснили! И попрошу, чтобы тебе счет поскромнее оформили. А то ты у нас и так в долгах, как в шелках!

— В долгах, как в шелках... — автоматически повторил я. Слово «долг» ввинтилось в мозг, и вместе с ним меня окутала чужая, совсем не моя волна липкого, застарелого страха — будто это слово произносили при мне сотни раз и оно не значило ничего хорошего.

Захар, кажется, заметил, как дёрнулось моё лицо, — посерьёзнел ещё больше, помолчал какое-то время, разглядывая меня, как будто взвешивая, какой объём правды я сейчас способен выдержать. Потом убрал руку от моего предплечья, сел на край койки — грузно, устало, точно последние часы провёл на ногах.

— Триста сорок тысяч, Паш... За последние часы ничего не изменилось. — Он сказал это без нажима, привычной скороговоркой человека, который твердит одно и то же не в первый раз, но внутри у меня всё оборвалось. — Родители твои... — он на секунду запнулся, обходя что-то стороной, — не довели дело до конца, ты не хуже меня знаешь. А дальше сам считай, сколько раз тебе объяснять: во-первых, лечение каждый раз, когда являешься ко мне куском мяса. Во-вторых, содержание — жильё, еда, одежда... В-третьих, обучение — юрфак твой драгоценный тоже не с неба свалился, я тебе сто раз говорил, кто за него платит.

— Юрфак, — эхом откликнулся я.

— Ну, раз до второго курса дотянул, значит, что-то тебе от прежних Немировых передалось. — Захар впервые за весь разговор криво усмехнулся и тут же снова стал серьёзным. — Совет клана учёбу оплачивает, ты и сам это сто раз слышал. Надеются, поди, что сможешь стать толковым переговорщиком, не век же кулаками махать по подвалам. Но ты же сам изъявил желание участвовать в этих подпольных боях, хоть так долг отрабатывать, раз мозгами пока не получается.

— И часто я... участвую... в подпольных боях? — продолжал охреневать я.

— Ты чего спрашиваешь, будто в первый раз слышишь? — поморщился Захар. — Реально ничего не помнишь? — Он покосился на меня с подозрением, но тут же отмахнулся. — Да чего я спрашиваю — сам имел неудовольствие наблюдать синюшный цвет твоего разбитого лица. А что касается Ямы, то в подпольных боях ты в последнее время участвуешь достаточно часто, чтобы я седел быстрее положенного. Старшие родичи сначала ругались, что позоришь род, выступая, не имея к тому должной подготовки, а как узнали, сколько с этого набегает в счёт погашения долга, велели не мешать. Удобно устроились, суки зажавшиеся!

Он невесело хмыкнул, но тут же посерьёзnel, вглядываясь в меня чуть внимательнее.

— Слушай, Пашка, а ты вообще меня узнаёшь? Или у тебя та самая амнезия разыгралась, как врачи и предупреждали?

Я мысленно чертыхнулся — осторожнее, Немиров, осторожнее — и постарался, чтобы голос прозвучал как можно растерянной.

— Наверное, она самая. Голова совсем чужая, не пойму толком, где я.

— Ну, отлежись, отлежись. — Он, кажется, поверил, хотя взгляд задержался на мне на секунду дольше, чем нужно. — Дай бог, скоро окончательно в себя придёшь.

Я кивнул, вернее, попытался и тут же поморщился от

острой боли в шее. А одновременно с этим попытался мысленно сложить куски полученной от «родственничка» информации, как пазл без картинки на коробке. Оказывается, я сирота, у меня есть какие-то старшие родичи, которые относятся ко мне не сильно хорошо. Ещё в наличии существенный долг, который своими кулаками не отработать и за десять лет; учёба, о которой я ничего не помню; ночные бои, которые чуть меня не убили... Полный абзац! И, что характерно, этот Захар рассказывает так убедительно и правдоподобно, что поневоле начинаешь ему верить! А вот себе и своей памяти, напротив, перестаёшь доверять совершенно! Но тем не менее допрос следовало продолжать.

— А родители? — выдохнул я.

— Не сейчас, — довольно резко отрезал Захар и тут же, спохватившись, смягчился: — Потом, Паш. Не сегодня.

За этой его резкостью пряталось что-то большее, чем обычная боль потери, но дальше давить я не решился — слишком рано.

— Ты сейчас — самое важное, что у меня осталось, — вдруг произнёс Захар тихо. — Слышишь? Не смей меня так больше пугать!

После этих его слов у меня внутри помимо воли растеклась тёплая волна благодарности к этому мужчине. Я точно знал, что чувство это чужое, какое-то детское, — и тут же его погасил: не время проявлять сентиментальность, ситуация к тому совершенно не располагала. Но отметочку себе сделал:

если меня действительно пытаются ещё и на эмоциях растащить, то делают это очень и очень грамотно...

Дверь за Захаром ещё толком не закрылась, а я, учитывая наличие видеонаблюдения, откинул голову на подушку, закрыл глаза и принялся анализировать сложившуюся хреновую ситуацию. Рана в боку — явно в печень, при отсутствии срочной медицинской помощи шансы выжить стремились к нулю. Я точно помнил, даже чувствовал, как именно получил это ранение! А теперь следов на теле не было от слова совсем! С горлом ситуация противоположная — чужое предплечье на шее помнил смутно, как будто душили не меня, а шея болела вполне ощутимо! Дальше — не моя юношеская рука со сбитыми костяшками! Строка цифр и слов перед глазами, которую я прочитал раньше, чем успел удивиться самому себе, а вместе с ней чужое, стопроцентно верное понимание мудрёного слова «нейроинтерфейс», которое я и выговорить-то с первого раза бы не взялся. Чужое детство, отозвавшееся в груди теплом, как будто моё собственное. «Родственничек» этот ещё с его ко мне показной отеческой любовью и рассказами о моей трудной доле сироты! Порознь каждое из этого ещё получалось списать на капельницу, гипоксию, дурацкое совпадение имени и фамилии или на невнимательность и лютую подставу. А вот всё в комплексе...

К горлу подкатило что-то очень похожее на настоящий, неконтролируемый страх, и я сдавленно, почти по-идиотски

хохотнул — звук вышел чужой, ничуть не похожий на мой обычный смех. А потом, чувствуя, как тело покрывается холодным потом, прошептал:

— Что за херня происходит?..

Захар вышел в коридор и первым делом привалился спиной к стене — ноги вдруг сделались ватными: до этой секунды его держала одна лишь тревога за здоровье племянника.

— Бл@ть! Бл@ть! Бл@ть! — выдохнул он сквозь сжатые зубы.

Потом размял лицо ладонями. Легче не стало, но Захару было плевать. Самое главное — Пашка жив! С разбитым лицом, с отбитыми мозгами, с повзрослевшими, какими-то *чужими* глазами — но жив, и это единственное, что сейчас имело значение.

Захар немного успокоился, достал коммуникатор и набрал номер курирующего молодёжь родича. Голос его сам собой выровнялся, стал сухим, казённым:

— Докладываю. Подопечный Немиров П. А. вполне стабилен, в сознании, угрозы жизни на данный момент не усматривается. Есть некоторые проблемы с памятью, как и предупреждали врачи, но в целом...

Выслушав ответ, Захар отключился, сунул коммуникатор обратно в карман — и только тогда позволил себе на секунду задержаться на том, что царапало где-то на краю сознания с той самой минуты, как Пашка достаточно жёстко заблоки-

ровал его руку.

Хватка была слишком... профессиональной и точной для его племянника, никогда не отличавшегося особыми способностями к единоборствам. В той же ситуации создавалось полное впечатление, что, если Захар сделает ещё хоть одно лишнее движение, Пашка, не раздумывая и не сильно напрягаясь, свернёт ему шею!

Захар помотал головой, отгоняя эту крамольную мысль, — мало ли что кома вытворяет с людьми, да и сам он прошлую ночь не спал.

— Бл@ть! — буркнул он ещё раз.

И зашагал в сторону ординаторской...

Глава 3

Дверь снова скрипнула — на этот раз это был не Захар. В палату зашла женщина в выглаженном халате — немолодая, с усталым, но цепким взглядом. Деловито, не тратя времени на приветствия, она сразу шагнула к монитору у моего изголовья.

— Так, посмотрим, что тут у нас. — Она пробежала взглядом по показаниям, потыкала в планшет, принесённый с собой, почти не глядя поправила катетер у меня в локтевом сгибе — привычным, тысячу раз повторённым движением. — Пульс выровнялся, сатурация в норме, регенеративный биочип держит нагрузку. Неплохо для того, кого вытащили буквально с того света.

«С того света», значит. Знала бы докторица, насколько точно она описала реальную ситуацию! Лицо я при этом держал соответствующее моменту — растерянное, чуть испуганное, ровно настолько, чтобы сойти за только что очухавшегося после комы мальчишку, а не за человека, который разглядывает её как потенциального противника.

— Как самочувствие? Тошнота, головная боль, звон в ушах?

— Голова... не своя, — сказал я, и хотя бы в этом не пришлось врать.

— После комы это нормально, молодой человек. Дня два-

три голова ещё поболит, сознание будет путаться, да и памяти вашей нужно время на восстановление. — Она сделала пометку в планшете, не поднимая на меня взгляда. — А вот обезболивающее я всё-таки подкручу.

Она несколько секунд колдовала над капельницей, потом посветила мне в глаза каким-то прибором. Наконец докторица удовлетворённо кивнула сама себе.

— Отдыхайте. Я зайду ещё раз попозже.

Дверь за ней закрылась, шаги стихли в конце коридора — и я с облегчением откинул голову на подушку, наслаждаясь тишиной и покоем без всех этих посторонних взглядов и мутных вопросов...

Впрочем, долго побыть в тишине у меня не вышло. Стоило прикрыть глаза, как меня тут же накрыло чужими воспоминаниями — да так мощно, будто смыло волной и потащило по неровному дну, переворачивая и прикладывая обо всё подряд. В мутной круговерти я успевал выхватить только отдельные картинки — рваные, вперемешку, и каждая отдавала своей болью и своим стыдом.

...Молотом его звали в Яме, а настоящее имя, кажется, было Гриша.

Вызвался Гриша сам. Прямо при всех, с поганой своей ухмылочкой: интересно ему стало, видите ли, сколько продержится «немировский красавчик», если против него выйдет кто-нибудь посерьёзнее обычных мальчиков для битья. От-

казаться? При всём зале? Такого дворянин Павел Немиров позволить себе не мог, даже если б захотел. А он хотел. Ещё как хотел!

Долги. Ставки. Букмекеры из Паутины, которые умудрились зарабатывать даже на моей крови, хотя бой никто не транслировал, — да кому я был нужен в трансляции? И тупая, привычная обречённость. Отчаяние у парня давно сошло на нет. Остался только гул в ушах, с которым он засыпал каждую ночь...

...Вспышка — и вместо Ямы коридор кланового спортзала. Кто-то из старших, из богатой ветви... Лица не помню. Помню кроссовки, белые, дорогие, и смех. Он кидает мне под ноги мелочь. Как собаке. Остальные ржут, и эхо гогота гуляет под потолком.

И страх. Липкий, до тошноты, пополам с унижением. Лет десять он ходил за мальчишкой по пятам, каждый божий день.

Издёвки богатых родичей, взгляды свысока — и отдельно, выжженным клеймом, одно-единственное слово: «никчёмный». Судя по тому, с какой готовностью оно нашлось в памяти, слышал его мальчишка чаще, чем собственное имя...

...Ещё вспышка — руки Захара, куда моложе, чем сейчас, показывают, как затянуть шнурки на потасканных ботинках, потому что новые и модные, как у остальных детей, купить не позволяет скромный бюджет...

...Ещё одна вспышка, совсем короткая: пустая квартира,

хлопок закрывающейся двери — и тишина после, настолько плотная, что в детской памяти она умудрилась застрять отдельным звуком, а не его отсутствием. Одиночество — раннее, недетское — въелось в него так глубоко, что мальчишка, кажется, давно перестал его замечать, как перестают замечать старую травму, ноющую к непогоде...

...Совсем другая по духу вспышка, будничная до зевоты: сгорбленная фигура в темноте комнаты за полночь, конспект лекции, разложенный прямо перед внутренним взглядом и выполненный тем же шрифтом, что был на потолке, когда я очнулся. Почту, сообщения, учебные материалы и видео из Паутины на сон грядущий мальчишка гонял через этот же интерфейс совершенно свободно и без всякого напряжения. А вот стоило парнишке дойти до боевой части всего встроенного в него «железа», как эти умения пропадали в тот же миг, будто у него где-то внутри перегорал предохранитель.

А подо всем этим, глубже всего, — упрямое, совершенно детское желание доказать хоть кому-то хоть что-то... Хоть раз в жизни...

Знакомое чувство, чего уж там. У кого его не было?..

...Отпустило не сразу. А когда отпустило, я ещё долго лежал, не шевелясь, — мокрый, как после марш-броска, с колотящимся под рёбрами сердцем, — и разбирал это чужое наследство, как трофеи после боя, который выиграл совсем не я. А разобрав, понял, что прятаться мне больше не за что.

Ещё час назад у меня на всё имелся ответ — научный,

из методичек. Гипоксия: мозг, посидевший без кислорода, и не такое нарисует. Капельница: врачиха вон только что сама подкрутила дозу. Кома. Сотрясение — судя по тому, как раскалывается башка, зеки в том бараке напоследок успели от души по ней попрыгать. Хорошие были объяснения! Сука, железобетонные! Только ни одна методичка не объяснит, откуда бред знает, сколько стоили ботинки, на которые не хватило денег, и каким голосом Захар учил затягивать на них шнурки. Бред — это мусор, обрывки, сон пьяного в летнюю ночь! А в мою голову целиком, с изнанкой и швами, легла чужая жизнь левого подростка — все восемнадцать лет, до последней обиды, — и улеглась рядом с моей, не смешиваясь, как два отдельных дела в одной папке.

Значит, не бред. Значит, всё было по-настоящему: и барак, и заточка под рёбра, и чужие пальцы, вбивающие тампон в рану, и голос Иванова, просящий потерпеть. Только вот капитан Немиров не дотерпел. Истёк кровью на бетоне за оцеплением, так и не дождавшись своих двух минут до скорой, — и где-то там, в той жизни, сослуживцы, наверное, уже скидывались на похоронный венок павшему при исполнении служебного долга товарищу.

А то, что от капитана осталось — сознание, душа, называй как хочешь, в богословии я никогда силён не был, — переехало. В тело восемнадцатилетнего пацана, которого задушили на полу подвала под рёв толпы, а врачи потом откачали. Да ещё и в мир, где интерфейсы вшивают прямо в мозги,

регенеративные чипы — под рёбра, а роднѣй называют клан. И звали этого пацана, для полноты картины, Павел Немиров. Тёзка до последней буквы — то ли насмешка, то ли опечатка в бумагах Небесной канцелярии!

И тут перед глазами вновь появилась та же картина из первых минут после пробуждения — старик в белых одеждах, глаза слишком молодые для морщинистого лица, — только на этот раз я не стал гнать «мультик» привычным усилием воли, а, наоборот, вгляделся и прислушался повнимательнее. И вместе с картиной вернулись слова, которые тогда прошли мимо ушей: «Твой путь в этом времени закончен, следующее воплощение твоей бессмертной души будет в другом времени, в мире, погрязшем в грехах и скверне». Ведь старикан прямым текстом озвучил мою дальнейшую судьбу! А я, дурак, принял это за красивую формулировку для отходной молитвы!

Оказывается, старик, чтоб ему утонуть в неглубоком месте, не шутил и не путал метафору с реальностью! Меня не спасли и не вернули — меня переселили: в чужое, недостаточно подготовленное для моих привычных запросов тело, с долгом и клановой роднѣй в придачу, в мир, о котором я не знал ровным счётом ничего. Ровно так, как и было обещано.

Следом всплыло и то, что я тогда повторял за ним, толком не понимая зачем: «Я Твоё отмщение и воздаяние, Господи... Я меч сверкающий Твой... Твоим Пастырем буду я, Господи». Тогда это звучало как отходная — то, что гово-

рят умирающему, чтобы ушёл со спокойной душой. Сейчас, в чужом восемнадцатилетнем теле, с чужой памятью в задачу к своей собственной, те же слова читались только одним-единственным образом: не напутствие в дорогу, а назначение на должность! Кем бы ни был седой старик в белых одеждах — Богом в самом буквальном смысле слова или чем-то куда более древним и безымянным, спрятавшимся за «привычным» мне лицом, — это точно не бред измученного мозга. Высшая сила, какая ни есть, вытащила меня из той злополучной зоны и отправила сюда с конкретным поручением, не дав помереть спокойно.

Теперь я самый что ни на есть патентованный попаданец, мать его! Про таких я раньше только в дешёвой фантастике читал — и посмеивался: герой там полкниги щиплет себя за руку, ищет разумное объяснение и спорит сам с собой до последней страницы. Теперь-то понятно, что спорит он от страха. Мне спорить было уже незачем — все разумные объяснения я только что честно перебрал и так же честно их похоронил. Попаданец, сука! Вот уж кем не собирался становиться в тридцать один год!

Одно было ясно уже сейчас: если здешние решат, что никчёмный мальчишка вдруг за одну ночь стал кем-то другим, вопросов будет слишком много, и не факт, что я смогу на них ответить. А что я им скажу? Здравствуйте, я ваш новый Пашка, капитан ФСИН в отставке, явился по причине смерти, прошу любить и жаловать?! Да, я попаданец, но не ду-

рак! И весь мой прошлый специфический жизненный опыт подсказывал: не знаешь расстановки сил — не свети козыри раньше времени.

Решено: прикинусь слабаком, как бывший владелец этого тела, пока не разберусь, что здесь к чему. А дальше... Дальше будет видно...

Следом накрыло и моими собственными воспоминаниями — но уже ровным, тягучим потоком, без всяких всплесков, будто та же волна заодно подмыла и мой берег.

Отец был мастером на заводе — руки в масле по локоть, три смены в неделю сверх нормы, и ни разу за всю жизнь он не унёс с завода даже гвоздя, хотя тащили вокруг все, кому не лень. «Закон один для всех, Паш, — сказал он, когда я, двенадцатилетний пацан, наслушавшись мальчишек со двора о „трудовых подвигах“ их собственных родителей, спросил, почему он не ворует. — Наказания я не боюсь, сынок. Боюсь, что сам себя уважать перестану». Эти слова отца я запомнил на всю жизнь. Матушка всегда и во всём поддерживала отца. Она преподавала в школе математику, умела найти общий язык даже с самыми трудными подростками, и от неё я тоже взял немало. Жаль, ушла она слишком рано — умерла от рака, когда я ещё учился на первом курсе. Отец после этого сильно горевал и замкнулся ещё больше, но жизненных правил не поменял.

В секцию дзюдо при заводском спорткомплексе меня за-

писали лет в восемь, и к выпускному я дотянул до кандидата в мастера спорта — не звезда, но и не случайный человек на татами. В университете полиции к дзюдо добавились боевое самбо и бокс, тоже до кандидата, а следом, уже по собственной инициативе, — тайский бокс: дзюдо и самбо учили вязать и бросать, бокс — работать руками на дистанции, а без нормально поставленных ударов ногами требовалось что-то ещё.

В органы я пошёл без всякого «призвания свыше» — мне просто показалось честным делом ловить и сажать тех, кто убивает и грабит, а пуще всего — тех, кто ворует уже не гвозди, а миллиарды, и делает это в дорогом костюмчике, пошитом на заказ! Да ещё умудряется при этом рассуждать о законности с экрана зомби-ящика! Опером в областном управлении по экономическим преступлениям и противодействию коррупции я отработал не один год, специализируясь на налоговых преступлениях и на схемах увода бюджетных денег. Схемы эти жили не только на бумагах липовых подрядчиков и «помоек» с «нарисованным» НДС, но и на серверах, и в бухгалтерских базах. А айтишников в отделе было двое на весь этаж, и очередь к ним выстраивалась на недели вперёд. Так что копаться в изъятых жёстких дисках, восстанавливать стёртое и обходить самопальную защиту ушлых бухгалтеров я со временем выучился сам: не хакер из кино, конечно, но и не ламер, что зовёт на помощь при виде очередного пароля.

Довольно скоро я выяснил и другое: закон в родном отделе бывает разным — к рядовому фигуранту уголовного дела он суров и беспощаден, а в отношении «правильного» и, главное, платёжеспособного человечка с нужными связями дельце можно и закрыть. А ещё лучше — вообще не открывать, а просто «надавить» на предпринимателя, напуганного злыми и хорошо вооружёнными дяденьками: дать ему ознакомиться с собранными материалами, потребовать некую сумму за то, что уголовное дело возбуждено не будет, и взять его под крыло за ежемесячную «абонентскую» плату в виде процента с оборота.

В подобных схемах я участия не принимал и денег за закрытие дел не брал ни разу. Но и святошей не был: если предпринимателя кидали на деньги бывшие партнёры или у него рейдерски отжимали бизнес, а официальный закон оказывался бессилён или бесконечно медлителен, я иногда брался помочь за деньги — но только когда сам был уверен, что правда на стороне заказчика. Не подработка — та же самая справедливость, только оплаченная отдельно от зарплаты. Начальству моя принципиальность не нравилась ни в том, ни в другом случае, и когда терпение с обеих сторон кончилось, я, пользуясь старыми спортивными связями, перевёлся в спецназ ФСИН: там хотя бы результат моей честной службы был виден сразу, без вечного «дело закрыто за отсутствием состава».

С Мариной мы прожили семь лет и разошлись тихо, без

скандала — она так и сказала на прощание: не могу больше жить с человеком, который дома продолжает вести допрос, даже когда просто спрашивает, как прошёл день. Детей не завели — сперва откладывали, потом стало ясно, что откладывать дальше некуда. Я не спорил тогда и сейчас не сомневался: она была права. Мягче быть я так и не научился — разве что с теми, кто этого заслуживал, а таких в моей жизни набралось до обидного мало.

Так и вышло, что перед смертью со мной оставалась одна эта прямая, негнувшаяся линия: закон один для всех, невзирая на погоны, должности, связи и деньги, — да любимая работа, которая эту линию раз за разом проверяла на прочность.

Я усмехнулся сам себе, лёжа в чужом теле посреди чужого мира, и задумался о том, что эти мои воспоминания странным образом перекликаются с вопросом: почему именно я? Старик тогда обронил, мол, я один из немногих, кто не растерял понятия добра и зла даже там, где их растерять было бы легче лёгкого. Может, и правда критерий отбора не сила удара и не звания с деньгами и связями, а умение судить, не путая причины с оправданиями? А может, я просто оказался ближайшим трупом подходящей кондиции в нужный момент, а всё величие происходящего придумал себе задним числом, чтобы не сойти с ума от сюрреализма случившегося?

Ответа не находилось ни в одной из версий, и я подозревал, что не найдётся и дальше. Старикан не производил впе-

чатления того, кто является повторно, чтобы выдать свод установленных правил или вбить в голову методичку по поведению во враждебной среде нового мира.

Одно я знал точно и без всякой метафизики: смысл ли, случайность ли — что делать с этим дальше, решать предстояло мне самому, а не старику. Судить, наказывать, восстанавливать какое-то космическое равновесие — или просто выжить в чужом теле и чужом городе, наплевав на всю высокую риторику про грехи и скверну. Пока же меня определённо тянуло в сторону второго варианта.

«Ну что ж, старик, — устало подумал я, — стартовые позиции, прямо скажем, так себе...»

Подремав какое-то время и чуть-чуть отдохнув, я всё-таки заставил себя сесть — и на этот раз тело подчинилось, хоть и с явной неохотой.

Свесил ноги с кровати, поставил их на прохладный пол. Прислушался к ощущениям и прикинул: встать, пожалуй, я смогу, а значит, смогу и сделать несколько шагов до ближайшей отражающей поверхности, чтобы наконец увидеть лицо того, в чьё тело попал. Если повезёт — увижу этого несчастного парнишку целиком. Так сказать, во весь рост.

В углу палаты, у двери, как я предполагал, в санузел, темнела панель из полированного металла — не зеркало в привычном смысле, но для моих целей должно было подойти.

Встал на ноги. Сил хватило на четыре шага — даже боль-

ше, чем рассчитывал. А потом колени поехали в разные стороны, и до двери я, по сути, доковылял, вцепившись одной рукой в стойку капельницы, как в трость. Дыхание сбилось, как после марш-броска с полной выкладкой, — и это от нескольких шагов! Позорище, товарищ капитан!

Отражение, метнувшееся навстречу из отполированного металла, оказалось совсем не тем, что я готовился увидеть.

Молодой парень — лет восемнадцати-девятнадцати, не больше — смотрел на меня с тем же ошалелым узнаванием, с каким я, в свою очередь, разглядывал его. Тонкие, породистые черты, острые скулы, на которые наверняка заглядывались девчонки в университетских коридорах, — мальчишка был красив без всякой натяжки, той бледной, чуть болезненной красотой, из-за которой такого смазливую юношу должно быть жалко бить по лицу. Тёмные волосы слиплись от пота, синяки под обоими глазами уже сходили, как и опухоль на разбитых губах, — и даже в таком «слегка потрёпанном» виде мальчишка должен был производить убойное впечатление на представительниц прекрасной половины человечества!

Стоп. Уже сходили? Синяков я на своём веку повидал немало — и на чужих мордах, и на собственной — и цвета их знал наизусть: такая желтизна по краям бывает дня через три-четыре, никак не через несколько часов. Видать, регенеративный биочип, о котором толковала докторица, дело своё знал. Хотя что-то в этом теле работало как положено.

Портил юношу только взгляд. Мой взгляд — тяжёлый,

оценивающий, с той спокойной недоверчивостью, что появляется у сотрудников правоохранительных органов через несколько лет службы и уже не уходит никогда. Такого взгляда не должно быть у смазливой мальчишки со светло-кари-ми, почти янтарными глазами и длинными девчачьими ресницами, тем более если этот пацан, судя по воспоминаниям, не отличался решительностью и твёрдостью характера. И вот это было по-настоящему плохо! Прежнего слабака Пашку Немирова можно сыграть походкой, голосом, опущенными плечами — а глаза, сука, те самые, что зеркало души, будут кричать окружающим об обратном! Да-а, придётся что-то с этим делать...

А взгляд уже опустился ниже, к рукам. Сознание автоматически отметило: мои собственные руки в восемнадцать лет были толще от мышц чуть ли не в полтора раза, хотя нынешние тоже нельзя было назвать «тростиночками»: мышцы присутствовали, но с этим телом стать чемпионом области по дзюдо никак не светило. Ладно, лирику и воспоминания из спортивной юности в сторону! На сгибах локтей — уже знакомые следы катетеров. А выше, на внутренней стороне обоих предплечий, — то самое, что нащупывал Захар: по паре аккуратных углублений на каждом, едва заметных, если не знать, куда смотреть, с тонким металлическим ободком по краю. Чужая память подсказала, что это разъёмы. Через них техники добираются до проводки мышечно-скелетного усиления, вшитого в мышцы и суставы рук, от плеч до ши-

колоток, — иначе это железо толком и не починить. Кожа вокруг разёмов была тоньше и бледнее, чем везде. Тело их так до конца и не приняло.

Задрал больничную рубаху. На боку, чуть ниже рёбер, ещё один шов, аккуратный, с палец шириной. Там, если память не врёт, и сидит регенеративный биочип. Пощупал за ухом, у основания черепа, — и нашёл третий подарочек: маленький диск под кожей. Холодный, хотя давно должен был нагреться. Ага. Вот, значит, где он живёт, этот нейроинтерфейс. До сих пор я знал о нём только слово из чужой памяти да строку на потолке. А теперь вот он, под пальцами, железка размером с монету. Через неё этот мир, похоже, и лезет мне в голову.

Три отметины на всё тело. Негусто! Расщедрился клан для самой нищей своей ветви, ничего не скажешь.

Сознание чуть поплыло, и, чтобы не упасть, пришлось ещё крепче схватиться за свою импровизированную клюку. А ведь ещё сутки назад, в другой жизни, я на одних руках поднимался по канату под потолок спортзала. Сейчас же не мог устоять на месте без опоры в виде стойки для капельницы дольше десяти секунд! Унизительно, чёрт возьми!

Тем же четырёхшажным маршрутом, снова цепляясь за стойку капельницы, побрёл назад. Усмехнулся сам себе — зло, коротко — и медленно, держась за спинку, опустился на край кровати. Посидел так с полминуты, слушая, как колотится чужое сердце в чужой груди, и разглядывая собственные — не собственные — ладони.

Ладно, Немиров, раз некуда деваться, будем поднимать это тело с нуля. А начнём прямо сейчас и с самого простого, потому что ничего другого это тело пока не потянет. Плавно потянул шею вбок, задержал, отпустил. Повторил в другую сторону. Дыхание — на четыре счёта вдох, на четыре — задержка, на шесть — выдох; старая спецназовская методика, чтобы унять пульс и заодно проверить, насколько вообще слушаются лёгкие.

Лёгкие слушались плохо: кашель после третьего цикла вышел таким, что заболели рёбра, которые и без того болели. Ну, Молот, ну, скотина!

Тягостные воспоминания о чужой руке на шее добавили упорства в достижении маленькой, но всё-таки цели, и я, стиснув зубы, решил не останавливаться. Плечи вперед-назад по кругу, медленно, без рывков, потом локти, потом кисти — микроскопические движения, за амплитуду которых в прошлой жизни я бы устыдился перед остальными членами сборной, а сейчас это было всё, на что хватало сил. Развёл лопатки, попробовал вытянуть позвоночник и охнул в голос от жгучей вспышки боли в рёбрах — каждое отзывалось по отдельности, будто их кто-то пересчитывал. «Сука!» — вырвалось само, раньше, чем я успел это остановить; хорошо хоть, слышать было некому.

Тело, впрочем, оказалось не совсем безнадёжным: суставы гнулись, кости, кажется, все были на месте. Лёгкие, пусть через раз, но всё-таки наполнялись воздухом — значит, бы-

ло с чем работать. Каждое движение отдавалось тупой, ноющей болью где-то внутри тела, и с каждым повтором эта боль слегка смещалась, становилась чуть терпимее. Между подходами я считал пульс на запястье, просто чтобы дать голове занятие и отвлечься от упаднических мыслей.

И как раз делал третий заход на эту условную растяжку конечностей, когда где-то на границе зрения снова мигнул тот же обрывок интерфейса — и на этот раз задержался, развернувшись в ровный, вполне читаемый и понятный текст, будто дождался, пока я успокоюсь в достаточной мере, чтобы его воспринять.

Автоматическое уведомление клана Немировых:

Должник: Немиров П. А.

Остаток задолженности: 340 000 #.

Начисление: 1,5% ежемесячно.

Трудоспособность: подтверждена.

Статус: Немиров П. А. продолжает рассматриваться кланом в качестве актива, а не пассива.

Строчки висели перед внутренним взглядом ровно и безлико, так умеет писать только бухгалтерия — складывалось полное ощущение, что за этими цифрами вообще нет человека! Есть только актив, которого меньше суток назад чуть не задушили на полу какого-то грязного подвала! Просто, сука, актив! Нет, вы только посмотрите на это отношение к

парнишке! Будто он просто строчка в чьей-то ведомости!

Дошло не сразу, зато дошло целиком: меня, вернее, парня откачали и залатали не из сентиментальности, а потому, что мёртвый актив долги не вернёт! С живым, пусть даже еле тёплым, ещё есть надежда на получение дохода, а значит, попытка вытащить его с того света не благотворительность и не родственная любовь, а элементарная арифметика. Ничего личного, просто бизнес. Захар, положим, паниковал искренне, этого у него не отнять, — а вот у клана за его спиной был один холодный расчёт.

Процент, вписанный тем же убористым, безликим шрифтом, что и всё остальное, добил меня окончательно: в прошлой жизни я разматывал десятки полукриминальных и вполне легальных контор, построенных по точно такой же нехитрой схеме, — вогнать человека в долги и всю жизнь его «доить». В этой среде даже шутка профессиональная ходила: «Поймал мыша — е@и не спеша!» Вот и шевелились потом должники, как могли, имущество своё распродавали, а если прекращали, специально обученные люди делали всё, чтобы взбодрить должничков...

А потом мой внутренний взгляд зацепился за слово «актив», и в груди медленно, но уверенно стало разливаться сначала раздражение, а потом и холодная ярость...

Что ж, милейший клан, посмотрим ещё, кто здесь, чёрт возьми, на самом деле актив!..